

(PHILOSOPHY)

Карл Густав
ЮНГ

ЭОН
Исследования
о символике самости

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.9
ББК 88.3
Ю50

Серия «Philosophy – Неоклассика»

C. G. Jung

AION: BEITRÄGE ZUR SYMBOLIK DES SELBST — Aion:
Researches into the Phenomenology of the Self
(Collected Works, Volume 9.2)

Перевод с немецкого *А. Чечиной*

Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

Печатается при содействии литературного агентства
Paul & Peter Fritz Agency.

Юнг, Карл Густав.

Ю50 Эон. Исследования о символике самости / Карл Густав Юнг ; [перевод с немецкого А. Чечиной]. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 352 с. — (Philosophy — Неоклассика).

ISBN 978-5-17-157611-0

«Эон. Исследования о символике самости» — одна из самых необычных работ в научном наследии Юнга, находящаяся на стыке философии, психоанализа, культурологии и религии. Великий ученый обращается в ней к символическому представлению психической целостности, идеальным историческим примером которой, согласно его теории, является Иисус Христос. Эта идея позволяет Юнгу исследовать многогранный смысл раннехристианского символа Спасителя — Рыбы, философию дихотомии образов Христа и Антихриста, а также персидские, иудаистские, гностические и даже алхимические аспекты христианского символизма.

УДК 159.9
ББК 88.3

© Walter Verlag AG, Olten, 1971
© Foundation of the Works of C.G. Jung, Zürich, 2007
© Перевод. А. Чечина, 2019
Школа перевода В. Баканова, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

ISBN 978-5-17-157611-0

*И случилось это, говорят они,
дабы Иисус мог стать первой жертвой
при разделении составных природ.*

Hippolytus, *Elenchos*, VII, 27, 8

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий том (том VIII Psychologische Abhandlungen) я включаю две работы, которые, несмотря на их внешние и внутренние различия, должны находиться рядом, ибо обе посвящены основной теме данной книги, а именно идее Эона (греч. Αἰών). Если работа моей сотрудницы, доктора Марии-Луизы фон Франц, описывает психологический переход от Античности к христианству посредством анализа «Страстей св. Перпетуи», то мое собственное исследование призвано с помощью христианских, гностических и алхимических символов самости пролить свет на изменение психической ситуации в рамках «христианского эона». С самого начала христианская традиция не только насыщена персидскими и иудейскими представлениями о начале и конце времен, но также изобилует намеками на своего рода энантиодромическую инверсию доминант. Под этим я подразумеваю дилемму Христа и Антихриста. Вероятно, на большинство исторических суждений о времени и его пределах оказали влияние астрологические идеи, о чем свидетельствует Апокалипсис. Таким образом, вполне естественно, что мои размышления вращаются главным образом вокруг символа *Рыб*, ибо эон Рыб синхронистически сопутствует двухтысячелетнему развитию христианства. Данный период не только явился свидетелем прогрессивной символической амплификации и, следовательно, психологической ассимиляции фигуры Антропоса («Сына Человеческого»), но и принес с собой изменения в человеческой установке, которые уже были предвос-

хищены в древних текстах ожиданием Антихриста. Поскольку эти тексты относят приход Антихриста к концу времен, можно говорить о «христианском эоне», который, как предполагается, должен завершиться Вторым Пришествием. Судя по всему, подобное ожидание совпадает с астрологическим понятием «платоновского месяца» Рыб.

Мое предложение обсудить данные исторические вопросы обусловлено тем фактом, что архетипический образ целостности, столь часто возникающий в продуктах бессознательного, имеет своих предшественников. Уже очень рано их стали отождествлять с фигурой Христа, как я показал в своей книге «Психология и алхимия» (глава 5). Мои читатели так часто просили меня рассмотреть связи, существующие между традиционной фигурой Христа и естественными символами целостности, что я в конце концов решил взяться за эту задачу. Учитывая особые сложности подобного предприятия, такое решение далось мне нелегко, ибо, чтобы преодолеть все препятствия и избежать возможных ошибок, требуются знания и осторожность, которыми, к сожалению, я обладаю лишь в ограниченной степени. Я более или менее уверен в своем анализе эмпирического материала, но в полной мере осознаю тот риск, которому подвергаюсь, привлекая в свои рассуждения свидетельства истории. Полагаю, я также осознаю ответственность, которую беру на себя, когда, продолжая исторический процесс ассимиляции, добавляю к многочисленным символическим амплификациям фигуры Христа еще одну, психологическую, или даже свожу символ Христа к психологическому образу целостности. Однако мой читатель не должен забывать, что я пишу не тенденциозный трактат: скорее, я рассматриваю то, как некоторые вещи могут быть осмыслены с точки зрения нашего современного сознания, — вещи, понять которые, как мне кажется, крайне важно и которым явно грозит опасность сгинуть во мраке непонимания и забвения; вещи, которые помогли бы нам в значительной степени излечиться от философской дезориентации, пролив свет на психический фон и потайные уголки души. Суть этой книги складывалась постепенно, в течение многих лет, в ходе бесчисленных бесед с людьми всех

возрастов, профессий и слоев общества; с людьми, которые в условиях нашего смятенного и лишенного корней общества вполне могли утратить всякую связь со смыслом европейской культуры и впасть в состояние внушаемости, каковое есть главный повод и причина утопических массовых психозов нашего времени.

Я пишу не как прозелит, но как врач, с присущим врачу чувством ответственности. Не пишу я и как ученый; в противном случае я благоразумно забаррикадировался бы за безопасной стеной своей специализации и, в силу своих недостаточных познаний в истории, не подвергал бы себя нападкам критиков, рискуя запятнать свою научную репутацию. Насколько мне это позволили мои силы, ограниченные преклонным возрастом и болезнью, я приложил все старания, дабы подкрепить свои материалы и выводы как можно более надежными документальными источниками.

К. Г. Юнг
Май 1950 г.

I. ЭГО

¹ В ходе исследования психологии бессознательного я столкнулся с фактами, потребовавшими формулирования новых понятий. Одно из таких понятий — *самость*. Данная структура отнюдь не призвана занять место другого комплекса, известного под названием *эго*, но включает его в себя как понятие супраординатное. Под *эго* мы понимаем комплексный фактор, с которым соотносятся все сознательные содержания и который образует центр поля сознания. Поскольку последнее вмещает в себя эмпирическую личность, *эго* выступает субъектом всех личностных актов сознания. Связь некоего психического содержания с *эго* образует критерий его осознанности, ибо ни одно такое содержание не может стать осознанным, пока не будет представлено субъекту.

² Вышеприведенное определение позволяет описать и определить *охват* субъекта. Теоретически поле сознания не может быть ограничено теми или иными рамками, ибо способно к неограниченному расширению. С эмпирической точки зрения, однако, оно всегда обнаруживает некий предел, когда сталкивается с *неизвестным*. Неизвестное состоит из всего непознанного и, следовательно, не связанного с *эго* как центром поля сознания. Неизвестное распадается на две группы объектов: те, что находятся вовне и могут быть восприняты органами чувств, и те, что находятся внутри и переживаются непосредственно. Первая группа включает неизвестное во внешнем мире, вторая — неизвестное в мире внутреннем. Последнее мы называем *бессознательным*.

³ Как специфическое содержание сознания эго представляет собой не простой или элементарный, но комплексный фактор, который как таковой не поддается исчерпывающему описанию. Опыт показывает, что он зиждется на двух, внешне различных базисах: *соматическом* и *психическом*. Соматическая основа выводится из целокупности эндосоматических ощущений, которые, в свою очередь, уже обладают психической природой и ассоциированы с эго, а значит, являются сознательными. Эндосоматические ощущения генерируют эндосоматические раздражители, из которых лишь немногие способны преодолеть порог сознания. Значительная часть этих раздражителей действует на бессознательном уровне, то есть сублиминально. Сама по себе сублиминальность (подпороговость) не обязательно означает, что они носят исключительно физиологический характер; в этом плане они не отличаются от любого психического содержания. Иногда они преодолевают порог и поддаются непосредственному восприятию. Однако большая часть этих эндосоматических раздражителей, без сомнения, не может быть осознана и настолько элементарна, что нет никаких оснований наделять их психической природой — если, конечно, не разделять философскую точку зрения, согласно которой все жизненные процессы так или иначе являются психическими. Главный аргумент против данной едва ли доказуемой гипотезы заключается в том, что она предполагает неограниченное расширение понятия психики, а также интерпретирует жизненный процесс с позиций, должным образом не подкрепленных фактами. Чересчур широкие концепции обычно оказываются непригодными, ибо слишком расплывчаты и туманны. По этой причине я предложил использовать термин «психический» только в тех случаях, когда очевидно присутствие воли, способной модифицировать рефлексы или инстинктивные процессы. Здесь я вынужден отослать читателя к моей работе «О природе психе»¹, где дефиниция «психического» обсуждается более подробно.

¹ См. «О природе психе».

- ⁴ Таким образом, соматическая основа эго состоит из сознательных и бессознательных факторов. То же справедливо и в отношении психической основы: с одной стороны, эго базируется на *целокупном поле сознания*, с другой — на *совокупности бессознательных содержаний*. Последние распадаются на три группы: во-первых, временно сублиминальные содержания, которые могут быть воспроизведены произвольно (память); во-вторых, бессознательные содержания, не поддающиеся произвольному воспроизведению; и в-третьих, содержания, которые вообще не могут стать сознательными. На существование второй группы указывает спонтанный прорыв сублиминальных содержаний в сознание. Третья группа носит гипотетический характер; она представляет собой логический вывод из фактов, лежащих в основе второй группы. В нее входят содержания, которые либо *еще не* прорвались внутрь сознания, либо не прорвутся в него никогда.
- ⁵ Когда я говорю, что эго «зиждется» на целокупном поле сознания, я не имею в виду, что оно *состоит* из него. Будь оно так, эго было бы невозможно отличить от поля сознания как целого. Эго — лишь отправная точка поля сознания, основанная на описанном выше соматическом факторе и ограниченная им.
- ⁶ Хотя как таковые эго основы относительно неизвестны и бессознательны, эго есть сознательный фактор *par excellence*. С эмпирической точки зрения оно приобретает в течение жизни индивида. По всей видимости, эго впервые возникает из коллизии соматического фактора с окружающей средой и, однажды став субъектом, продолжает развиваться в дальнейших столкновениях с внешним и внутренним миром.
- ⁷ Несмотря на неограниченную протяженность своих основ, эго никогда не бывает ни больше, ни меньше сознания в целом. Как сознательный фактор, эго, по крайней мере теоретически, поддается исчерпывающему описанию. Последнее, однако, всегда будет представлять собой не более чем набросок *сознательной личности*, лишенный всех черт, неизвестных субъекту или им не осознаваемых. Пол-

ная картина, напротив, должна включать и их. Впрочем, полное описание личности, даже в теории, абсолютно невозможно, ибо ее бессознательная часть недоступна познанию. Эту бессознательную часть, как показывает опыт, ни в коем случае нельзя считать несущественной. Наоборот, наиболее значимые качества человека часто носят бессознательный характер и могут быть восприняты только окружающими, либо обнаружены с большим трудом при активном содействии извне.

⁸ Таким образом, личность как целокупный феномен не совпадает с эго, т.е. с сознательной личностью, но образует сущность, которую необходимо отличать от эго. Естественно, потребность в этом присуща только психологии, признающей сам факт существования бессознательного; для такой психологии подобное различие имеет первостепенное значение. Даже в юриспруденции немаловажно, осознаны или не осознаны определенные психические факты — например, при установлении степени ответственности.

⁹ Целокупную личность, которая, хотя и присутствует, не может быть познана до конца, я предложил называть самостью. Эго, по определению, подчинено самости и относится к ней как часть к целому. Внутри поля сознания оно, как мы уже сказали, обладает свободой воли. Под этим я подразумеваю не что-либо философское, а всего лишь хорошо известный психологический факт «свободного выбора», или, точнее, субъективное ощущение свободы. Однако, как только наша свободная воля сталкивается с требованиями внешнего мира, она обнаруживает свои пределы и вне поля сознания, в субъективном внутреннем мире, где вступает в конфликт с фактами самости. Как обстоятельства или внешние события «случаются» с нами и ограничивают нашу свободу, так и самость ведет себя с эго как *объективная данность*, которая практически не поддается изменениям посредством свободной воли. В самом деле, хорошо известно, что эго не только бессильно против самости, но иногда даже ассимилируется бессознательными компонентами личности,

пробывающими в процессе развития, и сильно изменяется под их воздействием.

¹⁰ В силу самой природы рассматриваемого предмета, никакое другое общее описание эго, за исключением формального, невозможно. Любой другой способ наблюдения предполагает учет *индивидуальности*, присущей эго в качестве одной из его главных характеристик. Хотя многочисленные элементы, составляющие данный комплексный фактор, сами по себе всюду одинаковы, они представлены бесконечными вариациями с точки зрения ясности, эмоциональной окрашенности и широты охвата. Таким образом, результат их сочетания, т.е. эго, насколько мы можем судить, индивидуален и уникален. Его стабильность относительна, поскольку иногда с личностью происходят глубокие трансформации. Изменения такого рода не обязательно являются патологическими; они могут сопутствовать развитию и, следовательно, не выходить за рамки нормы.

¹¹ Поскольку эго выступает отправной точкой для поля сознания, оно является субъектом всех успешных попыток адаптации до тех пор, пока последние достигаются волей. Таким образом, эго играет значимую роль в психической экономии. Его позиция в ней настолько важна, что есть веские основания полагать, будто эго является центром личности, а поле сознания есть психика *per se*. Если отбросить определенные идеи, встречающиеся у Лейбница, Канта, Шеллинга и Шопенгауэра, а также философские размышления Каруса и фон Гартманна, то мы увидим, что лишь в конце XIX века современная психология с ее индуктивными методами открыла основы сознания и эмпирически доказала существование психики за его пределами. В результате этого открытия прежде абсолютная позиция эго подверглась релятивизации; другими словами, хотя эго и осталось центром поля сознания, сомнительно, чтобы оно выступало центром личности. Эго — часть личности, но не вся личность целиком. Как я уже говорил, оценить, насколько велика или мала его доля, насколько оно свободно или зависимо от свойств

этой «внесознательной» психики, невозможно. Мы можем лишь сказать, что его свобода ограничена, а его зависимость подтверждается весьма убедительными доказательствами. По моему опыту, не следует недооценивать зависимость эго от бессознательного. Разумеется, нет необходимости напоминать об этом тем, кто и без того переоценивает важность последнего. Определенным критерием надлежащей меры служат психические последствия неверной оценки, к чему мы еще вернемся позже.

- ¹² Мы видели, что с точки зрения психологии сознания содержания бессознательного можно разделить на три группы. Однако с точки зрения психологии личности их следует разделить на две группы: «внесознательную» психику, содержания которой имеют личностную природу, и «внесознательную» психику, содержания которой имеют безличную и коллективную природу. Первая группа включает содержания, которые представляют собой неотъемлемые компоненты индивидуальной личности, а значит, вполне могут быть осознаны; вторая группа образует всепроникающее, неизменное и повсюду идентичное *качество* или *субстрат психики per se*. Разумеется, это не более чем гипотеза. Тем не менее она подкрепляется особой природой эмпирического материала, не говоря уже о высокой вероятности того, что общее сходство психических процессов у всех индивидов должно базироваться на столь же общем и безличном начале, равносильном закону, — так манифестация инстинкта у отдельного человека есть лишь частичная манифестация инстинктивного субстрата, общего для всех людей.